

*Aegidii Ahenobarbi Iulii Agricole de Hammo
Domine de Domito
Aule Draconarie Comitatus
Regni Minimi Regis et Basilei
Mira facinora et mirabilis exortus*

или на просторечии

ВОЗВЫШЕННЫЕ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФЕРМЕРА ДЖАЙЛСА,
Лорда Тэма, Графа Вормингхолла
и Короля малого Королевства

Предисловие

История Малого Королевства дошла до нас в немногочисленных разрозненных фрагментах, однако среди них случайно сохранилось сообщение о его происхождении. Скорее даже не сообщение, а легенда, потому что это явно позднейшая компиляция, полная чудес, которые, конечно, были почерпнуты не из серьёзных анналов, а из популярных лэ, т.е. народных песенок (автор на них часто ссылается). Описываемые события лежат для летописца в далёком прошлом, хотя жил он, по всей видимости, на землях Малого Королевства. Во всяком случае, приводимые им географические сведения (а в этом автор сообщения не силен) соответствуют именно тем территориям, тогда как местность к северу или к западу от границ Королевства ему явно неведома.

Оправданием для перевода этого любопытного предания с весьма скудной островной латыни на современный язык Соединённого Королевства может служить лишь то, что оно даёт сведения о жизни в тёмный период истории Британии и проливает свет на происхождение некоторых труднообъяснимых местных названий. Да и сами приключения, как и характер героя сказания, могут показаться кое-кому заслуживающими внимания.

Границы Малого Королевства, как во времени, так и в пространстве, определить нелегко из-за скудности достоверных свидетельств. С тех пор как Бругус¹ пришёл в Британию, возникло и сгинуло немало королевств и королей. Разделение на Локрин, Камбр и Альбанак² было лишь первым в ряду многих переделов. С одной стороны, желание независимости, пусть самой ничтожной, с другой — ненасытное стремление королей к расширению своих королевств, и вот годы полнятся быстрой сменой войны и мира, радости и горя, как сообщают нам историки о правлении Артура³. Это было время неустановленных рубежей, когда человек мог внезапно взлететь или пасть, а барды не испытывали недостатка ни в материалах для песен, ни в пылкой аудитории. К какому-то периоду в череде долгих лет, вероятно, после короля Коля, но до Артура и Семи Английских Королевств⁴, мы и должны отнести рассказываемые здесь события. Местом же действия является долина Темзы с экскурсом в северо-западном направлении к горной гряде Уэльса.

Столица Малого Королевства находилась, очевидно, как и наша, в юго-восточном углу, но границы его весьма расплывчаты. Похоже, что к западу они никогда не заходили особенно далеко вверх по течению Темзы, а на севере не лежали дальше Отмура. Восточные границы сомнительны. В легенде о Георгиусе, сыне Джайлса, и его паже Суоветаурилиусе (он же Суэт), дошедшей до нас не полностью, есть указания, что некогда аванпост против Среднего Королевства находился в Фартингоу. Но эти события лежат за пределами данной повести, которая и приводится ниже без

¹ Брут, или Бритт, правнук Энея (одного из героев Троянской войны), мифический родоначальник бриттов.

² Имеется в виду первый раздел Британии, осуществлённый сыновьями Брута после его смерти.

³ Легендарный король бриттов (V-VI вв), герой кельтских преданий и многих произведений средневековой литературы. В целом весь этот раздел предисловия — тонкая пародия на разбор большинства средневековых романов и баллад, а также «Историю» Гальфрида Монмутского.

⁴ По «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского было несколько королей Колей. Очевидно, имеется в виду тот самый «дедушка Коля», который был «весёлый король» (см. «Английские песни» в пер. С.Я. Маршака). На семь королевств распалась держава короля Артура после его смерти в 549 г.

изменений и дальнейших комментариев, хотя её оригинальный пышный заголовок в соответствии с современным вкусом сокращён до:

Фермер Джайлс из Хэма.

Эгидиус де Гаммо был человек, который жил в самом центре острова Британии. Полностью его звали Эгидиус Агенобарбус Юлиус Агрикола де Гаммо⁵, ибо в те дни, когда остров ещё был счастливо поделён на множество королевств, людей щедро одаряли именами. Времени тогда было больше, а народу меньше, так что в основном все были на виду. Однако ныне те дни миновали, поэтому дальше я буду называть своего героя коротко и на просторечии: звали его фермер Джайлс из Хэма⁶, у него была рыжая борода. Хэм был обычной деревенькой, но тогда деревни были горды и ещё сохраняли свою независимость.

У фермера Джайлса был пёс. Его звали Гарм.⁷ Собакам приходилось довольствоваться кличками на местном диалекте: книжную латынь берегли для кого получше. Гарм не мог говорить даже на вульгарной, «собачьей», латыни, зато он мог изъясняться по-простонародному (как и большинство собак в его время), чтобы задираться, хвастаться и подольщаться. Задирал он нищих и прохожих, хвастал перед другими собаками, а подольщался к своему хозяину. Гарм и гордился Джайлсом, который мог задираться и хвастаться ещё лучше него, и трепетал перед ним.

Время тогда шло без спешки и суеты. К настоящим делам суета вообще имеет очень мало отношения. Люди предпочитали обходиться без неё и успевали и поработать, и поговорить. А тем для разговора хватало, потому что достопамятные события случались частенько. Но, по правде говоря, к моменту начала нашей повести ничего достопамятного в Хэме не происходило уже довольно давно. Что целиком и полностью устраивало фермера Джайлса: он был медлителен и довольно консервативен и занимался исключительно своими делами. Джайлс любил повторять, что у него «хлопот полон рот гнать беду от ворот», подразумевая, что он не покладая рук устраивает себе жизнь в довольстве и уюте, как и его отец до него. Пёс всю помог фермеру. И никто из них двоих не заботился о Широком Мире за пределами их полей, деревни и ближней ярмарки.

Но Широкий Мир существовал. Неподалёку был лес, а где-то на северо-западе — Дикие Холмы, постепенно переходящие в Горы. А там много чего водилось в те дни, и больше всего — великанов: неотёсанного, грубого народа, который временами доставлял массу неприятностей. Особо один великан, бывший гораздо крупнее и глупее своих собратьев. Я не нашёл в летописях упоминания о его имени, да это и неважно. Он был очень большой, с тяжёлой поступью, и при прогулках опирался на посох, размером с дерево.

По пути он сметал прочь вязы, как высокую траву, нёс разрушение дорогам и гибель садам, потому что ноги его оставляли следы глубокие, как колодцы. Если великан натёкался на дом, то от него оставались одни развалины. И куда бы это чудовище ни двигалось, убытки и ущерб следовали за ним, потому что голова его была гораздо выше крыш и ничуть не заботилась о том, что делают ноги. Великан был близорук и к тому же глуховат. К счастью, жил он довольно далеко, в Глуши, и редко появлялся в землях, населённых людьми, во всяком случае, только ненароком. Его ветхий дом стоял высоко в Горах. Однако друзей у великана было очень мало из-за его глухоты и глупости (а также бедности), поэтому он обычно прогуливался в Диких Холмах и пустых чащобах у подножия Гор совершенно один.

Однажды, в прекрасный летний день, этот великан отправился на прогулку и беззаботно бродил там и сям, круша по пути деревья. Внезапно он заметил, что солнце садится, и почувствовал близость ужина. Тут-то и обнаружилось, что забрёл он в совершенно незнакомые места и, естественно, заблудился. Прикинув нужное направление (абсолютно неверно), великан отправился в путь и шёл, пока совсем не стемнело. Тогда он уселся и стал ждать восхода луны. А затем пошёл

---

⁵ Эгидиус — покровитель калек и прокажённых; Агенобарбус — рыжебородый (*лат.*); Юлиус — приводит на память Юлия Цезаря, Агрикола — римского полководца Гнея Юлия Агриколу, бывшего некоторое время наместником Британии.

⁶ Хэм в переводе с совр. англ. означает «окорок».

⁷ Гарм — в кельтской мифологии легендарный пёс, который появится в конце мира, чтобы пожрать всё живущее.

при лунном свете дальше и шёл очень торопливо, потому что ему не терпелось попасть домой. Он ведь оставил на огне свой лучший медный котёл и боялся, что дно прогорит. Однако Горы остались у него за спиной, так что великан попал в земли, населённые людьми, и с каждым шагом приближался не к своему дому, а к ферме Эгидиуса Агенобарбуса Юлиуса Агриколы и к деревне, которую в просторечии называли Хэм.

Была глубокая ночь. Коровы паслись в полях, а пёс фермера Джайлса улизнул, чтобы погулять в своё удовольствие. Он обожал лунный свет и кроликов. Конечно, Гарм и понятия не имел, что великан тоже вышел погулять. В противном случае у него был бы повод удрать без разрешения, но ещё более веский повод — спокойно остаться в кухне. К двум часам ночи великан достиг полей фермера Джайлса, сломал изгородь, протопал по посевам и вбил в землю траву, которую собрались косить. За пять минут он навредил больше, чем удалось бы королевской лисье охоте за пять дней.

Гарм услышал, как тяжкое ТОП-ТОП приближается по берегу реки, и помчался к западному склону пригорка, на котором стоял дом фермера, просто посмотреть, что это там происходит. Внезапно он увидел великана, который перешагнул через реку и наступил прямо на Галатею, любимую корову Джайлса, расплющив несчастную животину, как фермер расплющил бы чёрного таракана.

Для Гарма этого было больше чем достаточно. Он взвыл от ужаса и рванул домой. Совершенно позабыв, что ушёл без спроса, пёс залаял и завыл под окном спальни своего хозяина. Долгое время ответа не было. Фермера Джайлса было не так-то просто добудиться.

— Ав-рал! Ав-рал! Ав-рал! — вопил Гарм.

Внезапно окно открылось и оттуда вылетела точно направленная бутылка.

— Вау! — взвыл пёс, привычно укорачиваясь. — Аврал! Аврал! Аврал!

Тут наружу высунулась голова фермера.

— Проклятый пёс! Чем ты тут занимаешься?

— Ничем, — ответил Гарм.

— Я тебе покажу «ничем»! Утром шкуру спущу! — пообещал фермер, захлопывая окно.

— Аврал! Аврал! Аврал! — снова залаял пёс.

Джайлс опять высунул голову.

— Ещё звук — и прикончу! Что на тебя нашло, дурень ты этакий?

— Ничего, — ответил пёс. — А вот на тебя точно кое-что нашло.

— Чего? — изумлённо переспросил взбешённый Джайлс.

Никогда ещё Гарм не разговаривал с ним так нагло.

— Великан на твоих полях, огромный великан! И он идёт сюда! Аврал! Аврал! Он овец твоих потоптал. Он на бедняжку Галатею наступил, и та теперь плоская, как половик. Аврал! Аврал! Он все твои изгороди поломал и урожай погубил! Смелей и живей, хозяин, а то у тебя скоро ничего не останется. Карау-у-ул! — тут Гарм завыл.

— Заткнись! — велел фермер и закрыл окно.

«Господи помилуй!» — шепнул он про себя и задрожал, как от озноба, хотя ночь была тёплой.

— Не дури и ложись! — сказала его жена. — А утром утопи ты этого пса. Собаки вечно брешут и чего угодно наплетут, когда попадутся на воровстве или безделье.

— Может, оно и так, Агата, — ответил фермер, — а может и нет. Только если Гарм — не кролик, на моих полях точно что-то происходит. Пёс перепуган. И с чего бы ему выть среди ночи, когда он мог спокойно проскользнуть в заднюю дверь, а утром получить своё молоко, а?

— Тогда не стой тут, точа лясы! — посоветовала жена. — Если уж веришь псу, то действуй, как он говорит: «смелей да живей»!

— Легко сказать, — буркнул Джайлс.

Он ведь наполовину поверил рассказам Гарма. Среди ночи в великанах как-то не очень сомневаешься.

Однако собственность есть собственность, а с бродягами у фермера Джайлса разговор был короткий. Так что он натянул штаны, спустился в кухню и снял со стены свой мушкетон.⁸ Кое-кто, наверное, не знает, что такое мушкетон. Говорят, что именно об этом спросили однажды четырёх

---

⁸ Огнестрельное оружие в Европе известно с 1346 г., мушкетон же появился лишь в XVII веке.

мудрых клириков из Оксенфорда⁹. Те поразмыслили и ответили: «Мушкетон — это короткое ружьё с широким дулом, заряжаемое сразу несколькими пулями или мелкими ядрами и способное поражать насмерть на ограниченном расстоянии без точного прицеливания (ныне в цивилизованных странах вытеснен другими видами огнестрельного оружия)».

Так или иначе, мушкетон фермера Джайлса действительно имел широкое дуло с раструбом, что делало его похожим на рог, и по идее мог стрелять (правда, не пулями или мелкими ядрами, а всем, чем его ни заряжали). Насмерть он пока никого не поражал, потому что Джайлс заряжал его редко, а уж курок и вовсе никогда не спускал. Обычно хватало одного вида мушкетона. Тем более, что страна ещё не была цивилизованной, так что мушкетон пока некому было вытеснять. По сути дела, он являлся единственным видом огнестрельного оружия, к тому же весьма редким. Люди предпочитали луки и стрелы, а порох использовали преимущественно для фейерверков.

Итак, фермер Джайлс снял свой мушкетон и зарядил его хорошей дозой пороха на случай, если понадобятся чрезвычайные меры. А в широкий раструб он напихал старых гвоздей, обрывков проволоки, битых черепков, обломков костей, камешков и прочего мусора. Затем натянул сапоги, куртку и вышел из кухни в сад.

Низкая луна светила ему в спину, и Джайлс не видел ничего более опасного, чем длинные чёрные тени от кустов и деревьев, но со склона холма доносилось страшное топанье. Что бы там ни говорила Агата, ему как-то не хотелось действовать ни смелей, ни живей; но собственность заботила фермера гораздо больше, чем его шкура. Поэтому, чувствуя в животе странную пустоту, он добрался до бровки холма.

Внезапно из-за неё показалось лицо великана, бледное в лунном свете, который мерцал в его огромных круглых глазах. Ноги великана пока оставались далеко внизу и протапывали дыры в полях. Луна ослепила великана, так что он не заметил фермера, но Джайлс отлично увидел его и совершенно потерял голову. Он машинально нажал на курок, и мушкетон с оглушительным грохотом разрядился. По счастливой случайности направлен он был примерно в огромное безобразное лицо великана. Наружу вылетели мусор, камни, кости, черепки, проволока и полдюжины гвоздей. Поскольку расстояние действительно было ограниченным, то совершенно случайно, а никак уж не по воле фермера, почти всё это угодило в великана. Осколок горшка попал ему в глаз, а в нос вонзился длинный гвоздь.

— Зараза! — грубо буркнул великан. — Меня ужалили!

Шум не произвёл на него ровно никакого впечатления (он был глуховат), а вот гвоздь явно не понравился. Уже давным-давно ни одно насекомое не могло прокусить его толстую кожу, но великан слышал, что далеко на востоке, в Болотах¹⁰, водятся зловредные стрекозы¹¹, которые кусаются, как раскалённые клещи. Вот он и решил, что наткнулся на нечто в этом роде.

— Мерзкая, нездоровая местность, это ясно, — сказал он. — Не пойду я дальше сегодня ночью.

Высказавшись, великан подхватил со склона пригорка пару овец, чтобы съесть их дома, снова шагнул через реку и поспешил к северо-северо-востоку. В конце концов он нашёл дорогу домой, поскольку на сей раз выбрал правильное направление, но дно его медного котла совсем прогорело.

А фермер Джайлс, которого отдачей мушкетона опрокинуло навзничь, лежал, глядя в небо, и решал вопрос, наступит на него великан, проходя мимо, или нет. Но ничего не случилось, а тяжёлое топанье постепенно заглохло вдали. Так что он поднялся, потёр плечо, поднял мушкетон... и тут услышал радостные возгласы людей.

Почти все жители Хэма выглядывали из своих окон, некоторые оделись и вышли (после ухода великана), а теперь с криками взбегали на пригорок.

Селяне слышали чудовищное ТОП-ТОП, и большинство из них немедленно спряталось под одеяла, а некоторые даже под кровати. Но Гарм и гордился своим хозяином, и трепетал перед ним, считая его в гневе ужасным и великолепным, и, естественно, думал, что любой великан почувствует то же самое. Поэтому, увидев, как Джайлс вышел с мушкетом (а это, как правило, было признаком сильного гнева), Гарм с громким лаем бросился в деревню.

⁹ Оксенфорд — «бычий юброд» (*среднев. англ.*). Под «четыремя учёными клириками» имеются в виду издатели «Оксфордского словаря английского языка» Дж. Моррей, Г. Брэдли, В. Крэги и К. Аньянс.

¹⁰ Fens (болотистая местность в Кембриджшире и Линкольншире).

¹¹ Непереводаемая игра слов. Стрекозы по-английски «dragonflies», то есть «драконьи мухи».

— Сюда! Сюда! Сюда! Подъём! Подъём! Да здравствует мой великий хозяин! Он смел и скор! Он пошёл стрелять в великана за вторжение! Сюда!

Вершина пригорка была видна почти из всех домов. Когда люди и пёс заметили поднимающееся над ней лицо великана, они дрогнули и затаили дыхание. И все, включая даже пса, решили, что с такой большой проблемой Джайлсу вряд ли справиться. Тут мушкетон грохнул, а великан внезапно повернулся и ушёл. От радости и изумления все громко закричали и захлопали, а Гарм лаял так, что чуть голова не оторвалась.

— Ура! — кричали все. — Знай наших! Мастер Эгидиус показал ему, что почём! Теперь он пойдёт домой и умрёт, и поделом ему.

Тут люди снова радостно заголосили, но взяли себе на заметку, что этот мушкетон действительно стреляет. В деревенских харчевнях по сему поводу было немало споров, но теперь вопрос разрешился окончательно и бесповоротно. И с тех пор никаких хлопот с бродягами у фермера Джайлса не стало.

Когда опасность совершенно миновала, самые смелые поднялись на пригорок, чтобы потрясти Джайлсу руку. Некоторые — пастор, кузнец, мельник и пара других важных персон — похлопали его по спине. Удовольствия Джайлсу это не доставило (плечо сильно болело), но он почувствовал себя обязанным пригласить их в дом. Они расселись на кухне, попивая за здоровье фермера и громко его нахваливая. Джайлс не скрывал зевоты, но гости не обращали на это равно никакого внимания, пока не была выпита последняя капля. Когда все пропустили по первой или По второй (а Джайлс вторую или третью), он действительно почувствовал себя смельчаком, а когда все выпили по второй или по третьей (а фермер то ли пятую, то ли шестую), его храбрость стала вполне соответствовать представлениям Гарма. Расстались все добрыми друзьями, горячо похлопав на прощание друг друга по спинам. Руки фермера были большие, красные и тяжёлые, так что он отыгрался. Утром Джайлс обнаружил, что новости от пересказа стали ещё интереснее, так что он превратился в местную знаменитость. К середине следующей недели новость распространилась по всем окрестным деревням на двадцать миль. Джайлс стал Героем Округи. И ему это очень нравилось. В ближайший же базарный день он получил столько дармовой выпивки, что хоть на лодке плавай: иными словами, он почти что в охотку напился и отправился домой, распевая песни о героях.

Наконец новость дошла до самого короля. Столица его Королевства — в те счастливые дни Малого Королевства на Острове — была примерно в двадцати милях от Хэма, и при дворе, как правило, почти не обращали внимания на простенькие события провинциальной жизни. Но столь быстрое изгнание великана, да вдобавок такого вредного, пожалуй, стоило заметить и даже слегка поощрить. Поэтому по истечении надлежащего срока — месяца, этак, через три, на праздник святого Михаила¹², — король направил в Хэм величественное послание. Оно было написано красивыми буквами на белом пергаменте и содержало высочайшее одобрение действиям «Нашего верноподданного и возлюбленного Эгидиуса Агенобарбуса Юлиуса Агриколы де Гаммо».

Послание было подписано красной кляксой, а ниже шли строки, выполненные придворным писцом готическим шрифтом на чистой латыни:

Ego Augustus Bonifacius Ambrosius Aurelianus Antonius Dux et Magnificus, dux rex, tyrannus, et Basileus Mediterraneorum Partium, subscribo.

(что означало: «Я, Августус Бонифациус Амброзиус Аурелианус Антониус Благочестивый и Великолепный, король, тиран и басилевс¹³ Средиземного Королевства руку приложил»). Затем стояла большая красная печать, так что сразу можно было понять, что документ подлинный. Джайлсу он доставил огромное удовольствие. Посланием восхищались абсолютно все, особенно когда обнаружилось, что любого, кто попросит взглянуть на него, ждёт стол и выпивка у камелька фермера.

Но ещё лучше пергамента был сопровождавший его дар. Король прислал длинный меч и пояс. По правде говоря, сам король никогда этим мечом не пользовался. Он просто являлся семейным достоянием и висел в оружейной с незапамятных времён. Хранитель оружия понятия не

---

¹² 29 сентября. Св. архангел Михаил стоял во главе воинства ангелов в борьбе с драконом и его приспешниками.

¹³ Изысканная смесь имен римских императоров (Август, Аврелий), пап и святых (Бонифаций, Амброзий); басилевс — титул византийский, тиран — греческий.

имел, как и зачем меч попал туда. Подобные простые тяжёлые мечи при дворе как раз вышли из моды, вот король и решил, что он вполне подойдёт для подарка какому-то крестьянину. Но фермер Джайлс был совершенно очарован даром, а его слава в округе возросла до неописуемых размеров.

Такой поворот событий Джайлса весьма устраивал. Его пса тоже. Гарм так и не получил обещанной порки. Фермер был разумным человеком и в душе оценил заслугу собаки, хотя ни разу не упомянул об этом вслух. Он продолжал под настроение швырять в пса тяжёлые вещи и проклятия, но закрывал глаза на многочисленные небольшие отлучки. Гарм взял за привычку убегать довольно далеко. Фермер вовсю принялся за свои дела, и счастье ему улыбнулось. Осенние и предзимние работы шли отлично. Всё, казалось, устраивалось наилучшим образом... покуда не появился дракон.

В те дни драконы уже стали редкостью на острове. В Средиземном Королевстве Августуса Бонифациуса ни одного из них не видели много лет. Конечно, к северу и к западу были предательские Болота и необитаемые Горы, но путь туда был долог. Когда-то, давным-давно, в тех областях водились драконы самых разных пород, которые совершали немало дальних набегов. Но в то время Среднее Королевство славилось отвагой королевских рыцарей, и так много странствующих драконов было убито или возвращилось тяжело израненными, что остальные перестали летать в ту сторону.

С тех самых пор сохранился обычай подавать на рождественский пир к королевскому столу драконий хвост¹⁴, и ежегодно одного из рыцарей избирали для охоты на дракона. Предполагалось, что он отправляется в день св. Николая¹⁵ и возвращаться домой с хвостом дракона не позднее, чем в канун праздника. Но уже многие годы королевский повар готовил необыкновенное сладкое блюдо: мнимый драконий хвост из бисквита и миндальной пасты с искусно выполненными из леденца чешуйками. Избранный рыцарь под звуки скрипок и пение труб¹⁶ вносил это блюдо в зал накануне Рождества. Его съедали в конце рождественского пира, и все говорили (чтобы польстить повару), что на вкус он гораздо лучше настоящего.

Так обстояли дела, когда объявился натуральный дракон. Винить за это надобно было в основном великана. После своего приключения он непрестанно расхаживал по Горам, навещая своих далеко живущих родственников гораздо чаще, чем обычно, и значительно более часто, чем им этого хотелось. А всё потому, что великан не оставлял попыток занять большой медный котёл. Но удавалось это или нет, он садился и заводил многословный рассказ о дивной стране далеко на востоке и чудесах Широкого Мира. Великан ведь вбил себе в голову, что он — великий и отважный путешественник.

— Равнинный край,—начинал он.— Знай только шагай. Приятный такой. Обильный едой... нагнись только: коровы, знаете ли, и овцы. Ну буквально повсюду. Заметить легко, если глядеть повнимательнее.

— А люди? — спрашивали его.

— Ни одного не видал. О рыцарях ни слуху и ни духу, дорогие вы мои. Ничего хуже, чем несколько кусачих насекомых у реки, там не водится.

— Почему же ты не возвращаешься туда? Жил бы себе там.

— Да ведь, знаете ли, говорят: нет места лучше родного дома,— отвечал великан.— Но, может быть, я когда-нибудь и вернусь туда, если захочу. Во всяком случае, один-то раз я там уже побывал, чем могу похвастаться очень немногие. А вот медный котёл...

— Так где же эти богатые земли, — поспешно перебивали его,— та приятная местность, где полно беспризорного скота? Куда надо идти? И далеко ли?

— О,— отвечал тут великан. — Далеко на восток или, точнее, на юго-восток. Но путь туда не близок.

---

¹⁴ Намёк на обычай короля Артура начинать рождественский пир только после рассказа о каком-нибудь чуде или подвиге.

¹⁵ 6 декабря. Св. Николай — покровитель школяров, моряков, девственников и воров. При дворе Артура было принято выезжать на подвиги 1 ноября, в День Всех Святых.

¹⁶ Под звуки скрипок и пение труб вносили первое блюдо на рождественских пирах короля Артура. Сам король в это время стоял за столом в ожидании рассказа или чуда.

И давал такое преувеличенное описание пройденного им расстояния, лесов, гор и равнин, которые он пересёк, что прочим великанам, обладавшим не такими длинными ногами, даже и пробовать не хотелось.

Но тёплое лето сменилось холодной зимой. Горы сковал жестокий мороз, еды стало мало. Разговоры зазвучали громче. Овцы и коровы на низинных пастбищах не сходили с языка. Драконы наострили уши. Они голодали, а слухи были привлекательны.

— Значит, рыцари — это просто сказки! — говорили молодые, ещё не набравшиеся опыта драконы. — Мы так и думали.

— По крайней мере, они, видать, стали редки, — рассуждали ящеры постарше и помудрее. — Они далеко, их мало, так что и бояться больше не стоит.

Особенно эти разговоры подействовали на одного дракона. Его звали Хризофилакс Дэв¹⁷, ибо принадлежал он к древнему императорскому роду и был очень богат. Он был коварен, любопытен, жаден, отлично вооружён, но не слишком храбр. Впрочем, в любом случае, храбрости его хватало, чтобы не бояться всякой там мошкеры или насекомых любого вида и размера. К тому же он был смертельно голоден.

Поэтому в один из зимних дней, примерно за неделю до Рождества, Хризофилакс расправил свои крылья и взлетел. Приземлился он ровно в полночь, преспокойно шлёпнувшись прямо в центр Средиземного Королевства Августуса Бонифациуса, короля и базилевса. За самое короткое время дракон, грома и поджигая, причинил огромный урон, а также пожрал массу овец, коров и лошадей.

Происходило всё это довольно далеко от Хэма, но Гарм до смерти перепугался. Он как раз отправился в далёкую прогулку и, пользуясь благосклонностью своего хозяина, решил пару ночей провести вне дома. Пёс бежал себе по краешку леса, следуя за приглянувшимся ему запахом, но дорожка свернула, и тут в нос ему ударил другой, тревожный дух: Гарм буквально налетел с размаху на хвост Хризофилакса Дэва, который только что приземлился. Ни одна собака ещё не неслась домой, поджав хвост, с такой скоростью, с какой удирал Гарм. Услыхав его визг, дракон повернулся и фыркнул, но пёс был уже вне пределов досягаемости. Он мчался весь остаток ночи, добрался до дома как раз к завтраку и поднял там у задней двери шум:

— Аврал! Аврал! Аврал!

Джайлс услышал, и ему это не понравилось. Устроенный псом шум напомнил фермеру, что, даже когда всё вроде бы идёт хорошо, могут случиться самые неожиданные вещи.

— Жена,пусти проклятого пса, да прихвати для него палку! — велел он.

Гарм ввалился в кухню, выпуча глаза и свесив язык.

— Аврал! — воззвал он.

— Ну, а теперь-то ты чем занимаешься? — спросил фермер, бросив ему колбаски.

— Ничем, — выпалил Гарм, слишком взволнованный, чтобы уделить внимание колбасе.

— А ну, прекрати, не то шкуру спущу! — пригрозил фермер.

— Я же ничего плохого не сделал, и не думал даже! — заскулил пёс. — Я просто случайно наткнулся на дракона. Вот и испугался.

Фермер аж пивом поперхнулся.

— На дракона? Чтоб те лопнуть с твоими никчёмными шатаньями! С чего тебе вздумалось наткнуться на дракона именно теперь, когда у меня и так хлопот полон рот? Где он?

— А! Севернее Холмов, и далеко-далеко, за Стоячими Камнями, и ещё дальше, — сообщил пёс.

— Ах, там! — облегчённо вздохнул Джайлс. — Слышал я, что в тех краях народ какой-то странный. Вечно у них что-нибудь происходит. Пусть сами и управляются! Чего ты меня-то беспокоишь? Пошёл вон!

Гарм пошёл вон и разнёс новость по всей деревне. При этом он не забыл упомянуть, что его хозяина известия нисколько не тронули:

— Он ничуть не обеспокоился и продолжал завтракать, как ни в чём не бывало!

---

¹⁷ С греч. «хризофилакс» переводится как «златолюб». Лат. «дивес» — богатый, роскошный, многообщающий, красноречивый; англ «дейв» — пикировать, стремительно бросаться. Написание слова автором позволяет любые толкования, вплоть до «дэв» — злой дух арабских сказок.

Люди с удовольствием замолели языками на крылечках.

— Как в старые времена! — говорили они. — Рождество на носу. Как раз по сезону. Вот король будет доволен! На нынешнее Рождество он сможет получить настоящий хвост!

Следующий день принёс дополнительные сведения. Дракон, как выяснилось, был невероятно огромный и свирепый. Он причинял страшный вред.

— Где же королевские рыцари? — стали спрашивать люди.

Этот вопрос задавали себе не только они. Короля уже достигли посланцы из деревень, наиболее пострадавших от Хризофилакса, и они спрашивали так часто и так громко, как только смели:

— Где же ваши рыцари, лорд?

Но рыцари ничего не предпринимали: им ведь не сообщили о драконе официально. Поэтому королю пришлось подобающим образом довести событие до их сведения. Затем он приказал им предпринять необходимые действия, как только к тому представится возможность. И был очень раздосадован, когда выяснилось, что ближайшей возможности к тому вообще не предвидится и что необходимые действия откладываются со дня на день.

Однако доводы рыцарей звучали веско. Во-первых, королевский повар уже приготовил драконий хвост к Рождеству, поскольку любил всё делать вовремя. И совершенно ни к чему было обижать его, принеся в последний момент настоящий хвост. Он ведь был очень ценным слугой.

— Да не нужен хвост! — кричали посланцы деревень, которым грозила неотвратимая беда. — Отрубить ему голову — и всё тут!

Но вот Рождество наступило, и тут выяснилось, что, к несчастью, как раз на день святого Джона¹⁸ назначен большой турнир, на который приглашены рыцари из многих королевств и где будет оспариваться ценный приз. Ясно было, что не стоит уменьшать шансы рыцарей Среднего Королевства, отправив лучших из них на охоту за драконом до окончания турнира.

А затем настал Новый Год.

Но каждую ночь дракон продвигался, и каждое движение приближало его к Хэму. В новогоднюю ночь люди увидели дальше зарево. Дракон заполз в лес, лежащий в десяти милях от деревни, и тот весело горел. Под настроение дракон отличался большой пылкостью.

Тут люди стали поглядывать на фермера Джайлса и перешёптываться за его спиной. Фермер чувствовал себя весьма неловко, но притворялся, что ничего не замечает. На следующий день дракон придвинулся ещё на несколько миль. Тут фермер Джайлс сам громко заговорил о том, что королевские рыцари оскандалились.

— Хотелось бы мне знать, за что только они получают своё содержание!

— Нам бы тоже, — согласились все в Хэме.

А мельник добавил:

— Мне говорили, что некоторые люди и в наши дни получают рыцарское звание за неоспоримые заслуги. И, кстати, наш добрый Эгидиус уже, так сказать, рыцарь. Разве король не прислал ему красную грамоту и меч?

— Меча для рыцарского звания недостаточно, — возразил Джайлс. — Должно ещё быть посвящение и всё такое, насколько я понимаю. Как бы то ни было, у меня своих дел по горло.

— А я вот не сомневаюсь, что король согласится провести посвящение, если его попросить, — настаивал мельник. — Давайте попросим, пока ещё не поздно!

— Нет уж, — сказал Джайлс. — Посвящение не для таких, как я. Я фермер, и горжусь этим. Я простой, честный человек, а говорят, что честным людям при дворе несладко. Жизнь там больше уж по твоей части, мастер мельник.

Пастор улыбнулся — вовсе не отповедал фермера, потому что Джайлс и мельник всегда старались половчее зацепить друг друга, поскольку, как говорили в Хэме, были закадычными врагами. Просто пастору пришла в голову одна идея, о которой он пока ничего не сказал. Мельнику же его улыбка не понравилась, и он нахмурился.

— Конечно, простой, а может, и честный, — парировал он. — Но разве обязательно надо отправляться ко двору и становиться рыцарем, чтобы убить дракона? Мастер Эгидиус только вчера заявил, что тут нужна одна лишь храбрость, — я сам слышал! А храбрости у него не меньше, чем у любого рыцаря, так ведь?

---

¹⁸ Имеется в виду 27 декабря, день св. Иоанна Евангелиста, бывшего противником всякого насилия.

Все стоявшие поблизости люди закричали:

— Конечно не меньше! Разумеется! Слава герою Хэма!

Тут фермер Джайлс отправился домой, чувствуя себя крайне неловко. Он обнаружил, что местная репутация временами требует подтверждения, которое, не говоря уж о затруднительности, может оказаться опасным. Джайлс пнул пса и сунул меч в кухонный буфет. До этого момента меч красовался над камином.

На следующий день дракон добрался до соседней деревни Кверцетум (на простонародном диалекте Дубки¹⁹) и сожрал не только овец, коров и пару особ нежного возраста, но и пастора. Тот неосмотрительно попытался убедить его свернуть с пути зла. Поднялось ужасное смятение. Всё население Хэма с собственным пастором во главе поднялось на пригорок дожидаться фермера Джайлса.

— Мы надеемся на тебя! — заявили они, окружив фермера, и глядели на него преданными глазами, пока лицо Джайлса стало краснее его бороды.

— Когда ты собираешься выступить? — был следующий вопрос.

— Ну, сегодня уж точно нет, — сказал он. — У меня масса дел, а тут ещё пастух заболел и всё такое. Я подумаю.

Люди ушли, но под вечер пронёсся слух, что дракон всё приближается, и они вернулись.

— Мы надеемся на тебя, мастер Эгидиус.

— Ладно. Только в данный момент мне это очень затруднительно. Кобыла, понимаете ли, захворала, и овцы начали ягниться. Я подумаю, и как только представится возможность...

Люди опять ушли ни с чем, слегка ворча и перешёптываясь. Мельник хихикал. А пастор остался, и избавиться от него не удалось. Он напросился на ужин и всё на что-то намекал. Даже спросил, что случилось с мечом, и настоял на том, чтобы его увидеть.

Меч лежал на полке в буфете. Полка была для него коротковата, и стоило только фермеру Джайлсу достать меч, как тот, сверкнув, выскочил из ножен, которые фермер тут же и отбросил, словно раскалённые. Пастор вскочил на ноги, пролив пиво. Он осторожно поднял меч и попытался вложить его обратно в ножны. Не тут-то было. Меч не желал входить в них глубже, чем на фут, и снова выскочил, как только пастор снял руку с рукоятки.

— Господи помилуй! Как странно! — сказал пастор и внимательно осмотрел ножны и клинок.

Он был образованным человеком, в отличие от фермера, который с трудом разбирал отдельные крупные буквы и не был уверен, прочтёт ли он собственное имя. Потому-то он до сих пор и внимания не обращал на странные полустёртые письма, видневшиеся на ножнах и мече. Что же касается королевского хранителя оружия, то тот настолько привык ко всяким рунам, именам и прочим знакам могущества и величия на мечах и ножнах, что не забивал себе всем этим голову. Он считал их по меньшей мере устаревшими.

А вот пастор долго вглядывался в письма и хмурился. Он, конечно, надеялся обнаружить на мече или ножнах какие-нибудь надписи. Собственно говоря, именно эта идея и пришла ему вчера в голову, но ничего подобного он не ожидал. Письмена и знаки здесь были, это уж точно, но он даже не мог разобрать, с какой стороны следует читать.

— На ножнах есть надпись, на мече тоже виднеются... э... эпиграфические символы²⁰, — объявил наконец пастор.

— Да ну? — отозвался Джайлс. — И что же они значат?

— Шрифт архаичный, а язык варварский, — ответил пастор, чтобы выиграть время. — Нужно будет изучить их повнимательнее.

Он попросил разрешения взять меч на ночь с собой, и фермер охотно согласился.

Придя домой, пастор снял с полок множество учёных книг и засиделся далеко за полночь. На следующее утро обнаружилось, что дракон подобрался ещё ближе. Все люди в Хэме забаррикадировали свои двери и заперли окна, а те, у кого были подвалы, спустились в них и сидели там, дрожа, при свете свечей.

---

¹⁹ От лат. *Quercus* (дуб), по-английски *Oakley* (*oak* — дуб), или Дубки.

²⁰ Иронический анахронизм, типа мушкетона. Эпиграфика (изучение древних средневековых надписей на камне, кости, дереве, металле) возникла в XIX веке.

Но пастор тихонечко выскользнул наружу и пошёл от двери к двери, сообщая всем, кто соглашался слушать сквозь щель или замочную скважину, то, что он обнаружил благодаря своим трудам.

— Наш добрый Эгидиус,— говорил он,— по милости короля стал владельцем Квадимордакса, прославленного меча, который в народных романах называют обычно попроще, Хвосторубом.

Услышав это слово, люди обычно отпирали дверь. Славный Хвосторуб был известен абсолютно всем, ибо этот меч принадлежал Белломариусу, величайшему из всех победителей драконов в Королевстве. Согласно некоторым сведениям, он был прапрадедушкой нынешнего короля по материнской линии. Немало песен и сказаний было сложено о деяниях Белломариуса, и если их забыли при дворе, то помнили в деревнях.

— Этот меч,— продолжал пастор,— не останется в ножнах, если в радиусе пяти миль появляется дракон, и, без сомнения, ни один дракон не устоит перед ним, если меч будет в руках храбреца.

Тут люди стали слегка собираться с духом. Некоторые даже отворили окна и высунули головы. В конце концов пастору удалось заставить кое-кого выйти и присоединиться к нему, но охотно сделал это лишь мельник. Для последнего риск уравнивался удовольствием поглядеть на попавшегося Джайлса.

Они поднялись на пригорок, кидая беспокойные взгляды на север, за реку. Дракон ничем не выдавал своего присутствия. Возможно, он спал: ведь он отлично питался всю рождественскую неделю.

Пастор и мельник застучали в дверь фермера. Ответа не было. Они забарабанили громче. Наконец показался Джайлс. Лицо его было исключительно красным. Он тоже засиделся глубоко за полночь, выпив немало эля, а как только поднялся, продолжил.

Все столпились вокруг него, называя добрым Эгидиусом, храбрым Агенобарбусом, великим Юлием, стойким Агриколой, Гордостью Хэма, Героем Округи, и наперебой говорили о Квадимордаксе, Хвосторубе, Мече, который Не Остаётся в Ножнах, победе или смерти, славе йоменов, опоре страны и добром молодце, пока голова фермера окончательно не пошла кругом.

— А ну-ка, по одному, по одному,— заявил он, как только представился случай.— Это что такое? Что такое, спрашиваю?! По утрам я занят, вы же знаете!

Тут люди дали пастору возможность объяснить ситуацию. И мельник получил массу удовольствия, глядя, как фермер попался, да так крепко, что лучше и пожелать нельзя. Но дела приняли несколько иной оборот, чем надеялся мельник. Во-первых, Джайлс выпил немало крепкого эля. Во-вторых, он почувствовал странную гордость и воодушевление, узнав, что его меч оказался настоящим Хвосторубом. Ещё мальчишкой он обожал предания о Белломариусе и, пока не поумнел, временами мечтал получить такой чудесный героический меч. Вот ему внезапно и стукнуло в голову, что он должен взять Хвосторуб и отправиться на охоту за драконом. Но привычка торговаться была сильнее, и фермер сделал ещё одну попытку отсрочить событие.

— Чего? — спросил он. — Мне охотиться за драконом? В моих старых штанах и куртке? Я слышал, что на битву с драконом никто никогда не выходил без доспехов. А в моём доме никаких доспехов нет, это уж точно.

Все согласились, что это действительно небольшое препятствие, и послали за кузнецом. Кузнец покачал головой. Он был медлительным угрюмым человеком, которого обычно звали Весельчак Сэм, хотя настоящее его имя было Фабрициус Кунктатор²¹. Он никогда не насмивался за работой, разве что когда случалось какое-нибудь несчастье из числа им предсказанных (например, майских заморозков). А поскольку он все дни напролёт предсказывал самые разные несчастья, то непредсказанные им беды происходили крайне редко, так что кузнец приобрёл себе на этом завидную репутацию. Слава пророка ему крайне льстила, и, естественно, он старался не делать ничего, чтобы отвести беду. Он снова покачал головой.

— Из ничего доспехи не сделаешь. Да и не моё это дело. Пошли бы вы лучше к столяру, что тот изготовил деревянный щит. Только и это особенно не поможет. Дракон-то огненный.

---

²¹ Имеется в виду римский полководец Фабий Кунктатор (Медлитель), точнее, не он сам, а его прозвище.

У людей вытянулись лица, но мельник не хотел так просто отступить от своего плана послать Джайлса к дракону, если тот согласится пойти, или пустить пузырями его местную репутацию, если фермер всё-таки откажется.

— А если сделать кольчугу? — спросил он. — Это же выход. И особо тонкой работы не нужно. Это же для дела, а не для того, чтобы пускать пыль в глаза при дворе. У тебя же найдётся старая кожаная безрукавка, друг Эгидиус? А в кузнице целая куча всяких звеньев и колец. Я уверен, что мастер Фабрициус и сам не знает, что у него там валяется.

— Болтаешь тут, не зная чего, — весело улыбнулся кузнец. — Если ты говоришь о настоящей кольчуге, так где ж её взять? Нужно мастерство гномов, чтобы каждое маленькое колечко соединить с четырьмя другими и все вместе. Даже если б я умел это делать, то трудился бы много недель. А к тому времени мы все поляжем в могилы или, по крайней мере, в драконье брюхо, — добавил он.

Люди в отчаянии всплеснули руками, а кузнец заулыбался. Но теперь все так всполошились, что уцепились за план мельника как за последнюю надежду, и потребовали от него совета.

— Что ж, — сказал тот. — Я слыхивал, что в былые дни те, кто не мог купить блестящей кольчуги в южных странах, нашивали стальные кольца на кожаную куртку²², и сходило. Посмотрим, не удастся ли нам сделать так же!

Так что пришлось Джайлсу вынести свою старую куртку, а кузнеца заставили поспешить в кузницу. Там обшарили все углы и перекопали кучу старого железа, которое уже много лет валялось без дела. На её дне обнаружили множество заржавленных колечек, осыпавшихся с забытой куртки, как раз такой, о какой говорил мельник. Сэма, который всё больше мрачнел и дулся по мере того, как затея приобретала реальные очертания, немедленно засадили за работу — собирать, сортировать и чистить кольца. А когда выяснилось (о чём он с удовольствием сообщил), что их явно не хватит на такого широкоплечего человека, как мастер Эгидиус, его заставили разобрать старые цепи и перековать звенья в кольца, как получится в меру его мастерства.

Мелкие стальные колечки нашили на грудь куртки, а грубые кольца на спину, а затем, поскольку кольца всё продолжали поступать (очень уж бедолагу Сэма подгоняли), то ими обшили и штаны фермера. А на самой верхней полке в тёмном закутке мельник откопал железный каркас шлема и усадил за работу сапожника, чтобы хоть как-то обтянуть его кожей.

Работа продолжалась весь этот день и следующий. А это было Двенадцатая ночь Рождества и канун Эпифании²³, но всем было не до праздника. Кроме Джайлса. Он по этому случаю выпил эля гораздо больше обычного. Дракон же милостиво изволил спать. Он пока как-то совершенно забыл и о голоде, и о мечях.

Рано утром в день Эпифании люди поднялись на пригорок, таща необычные изделия своих рук. Джайлс ждал их. Отговорок у него больше не оставалось, так что он натянул ставшую кольчужной куртку и штаны. Мельник захихикал. Затем Джайлс натянул сапоги, прицепил пару старых шпор и водрузил на голову обтянутой кожей шлем. Но в последний момент нахлобучил на него старую фетровую шляпу, а на кольчужную куртку набросил свой старый плащ.

— Зачем это, мастер Эгидиус? — спросили его.

— Ну, если, по вашему мнению, на охоту за драконом ходят звенья и гремя, как Кентерберийские колокола²⁴, то я так не считаю, — отвечал Джайлс. — По моему мнению, не следует заранее предупреждать дракона о своём приближении. А шлем — это шлем, это вызов на битву. Пускай-ка змей увидит над изгородью только мою старую шляпу. Тогда я, может, и смогу подобраться поближе, прежде чем начнётся завтрак.

Кольца были пришиты так, что они перекрывали друг друга свободными сторонами, и звон действительно был изрядный. Плащ несколько унял его, но Джайлс в таком одеянии выглядел весьма забавно. Ему, правда, об этом не сказали. На фермере с трудом застегнули пояс с нацепленными ножнами. Однако меч ему пришлось нести отдельно, потому что удержать его в ножнах никаких сил не хватало.

---

²² Рецепт из комедии Плавта «Хвастливый воин».

²³ Крещенский вечер (на 6 января), двенадцатый вечер после Рождества (25 декабря), который посвящают традиционным развлечениям и обрядам.

²⁴ Колокола Кентерберийского собора, вошедшие в поговорку благодаря силе и чистоте своего звучания.

Фермер свистнул Гарма. Он ведь был человеком разумным.

— Пёс,— сказал он.— Пойдёшь со мной.

— Аврал! Карау-у-ул! — взвыл пёс.

— Прекрати! — велел Джайлс. — Не то я задам тебе почище любого дракона. Ты знаешь запах этого ящера и, может, хоть раз окажешься на что-нибудь годным.

Затем фермер Джайлс позвал свою серую кобылу. Она подозрительно посмотрела на него и презрительно фыркнула при виде шпор. Однако позволила фермеру сесть верхом, и они отправились, причём никто из них не чувствовал себя счастливым. Джайлс на кобыле протрусил по деревне, а люди приветственно кричали и хлопали в ладоши, в основном из окон. Фермер и его кобыла ещё хоть старались сделать хорошие мины, а бесстыжий Гарм тащился за ними, поджав хвост.

Они перешли реку по мосту, который был в конце деревни, и, скрывшись из виду, сменили рысцу на шаг. Но и таким аллюром они как-то слишком быстро миновали земли, принадлежавшие фермеру Джайлсу и прочим людям Хэма, и достигли мест, где успел побывать дракон. Здесь были сломанные деревья, сожжённые изгороди, почерневшая трава и жуткая тишина.

Солнце светило вовсю, и фермер Джайлс начал подумывать, что неплохо было бы набраться храбрости и снять с себя вещицу-другую и что, может быть, не следовало пить лишнюю пинту.

«Хорошенький конец Рождества и всего прочего, — размышлял он.— Мне ещё повезёт, если это не станет моим концом тоже».

Он отёр лицо большим носовым платком — зелёным, а не красным. Фермер слышал, что красные платки просто бесят драконов.

Но дракона он не нашёл. Джайлс проехал немало широких и узких дорожек и опустевших полей других фермеров, но так и не встретил дракона. От Гарма, конечно, не было ни малейшего толку. Он жался к задним ногам кобылы и категорически отказывался принохиваться.

В конце концов они попали на извилистую дорогу, которая пострадала меньше прочих и казалась мирной и спокойной. Проехав с полмили, Джайлс стал прикидывать, что он, пожалуй, уже исполнил свой долг и всё, что требует его репутация. Он решил, что уделит поискам достаточно времени, и как раз представлял, сворачивая за угол, как повернёт назад, пообедаст и расскажет своим приятелям, что дракон только увидел его — и сразу улетел...

И тут обнаружил дракона, лежащего поперёк сломанной изгороди, головой прямо посреди дороги.

— Аврал! — взвыл Гарм и рванулся прочь.

Серая кобыла резко осадилась назад, и фермер Джайлс кувырком полетел в канаву. Когда он высунул оттуда голову, то проснувшийся дракон смотрел прямо на него.

— Доброе утро,— сказал дракон.— Вы, кажется, удивлены?

— Доброе утро! — ответил Джайлс. — Я действительно удивлён.

— Прошу прощения,— сказал дракон. Он подозрительно насторожил уши, уловив звон колец при падении фермера.— Прошу прощения за свой вопрос, но не меня ли вы случайно ищите?

— Да что вы! — ответил фермер.— Кто бы мог подумать, что вы здесь окажетесь! Я просто выехал прогуляться.

Он поспешно выбрался из канавы и пятился к своей серой кобыле. Та уже спокойно стояла и пощипывала себе травку на обочине, словно происходящее её совершенно не касалось.

— Значит, мы встретились благодаря счастливой случайности,— сказал дракон.— Я рад. Это что, ваш праздничный наряд? Новая мода?

Фетровая шляпа фермера слетела, а его серый плащ распахнулся. Фермер решительно откинул его.

— Ага! — ответил он.— Последний писк. Но мне придётся догнать мою собаку. По-моему, она помчалась за кроликами.

— А по-моему, нет,— сказал Хризофилакс и облизнулся (он всегда облизывался, забавляясь).— Полагаю, что она попадёт домой гораздо раньше вас. Но, прошу вас, продолжайте ваш путь, мастер... простите, я, кажется, не знаю вашего имени?

— Как и я вашего,— ответил Джайлс. — И давайте этого не менять.

— Как вам будет угодно,— согласился Хризофилакс, снова облизнувшись и притворяясь, что он закрыл глаза.

Сердце у него было злое (как у всех драконов), но не очень храброе (что тоже частенько бывает). Он предпочитал блюда, которые не приходилось брать с бою, но после долгого крепкого сна его аппетит разыгрался. Пастор из Дубков был тощий и жилистый, а дракон уже многие годы не пробовал крупного, упитанного человека. Вот он и решил получить такое мясо без труда и ждал только, когда старый дурень потеряет бдительность.

Но старый дурень был не так глуп, как казался, и не сводил глаз с дракона, даже пытаясь сесть верхом. Кобыла же, похоже, думала иначе, и потому брыкалась и вертелась, не давая фермеру взобраться в седло.

Дракон начал терять терпение и изготовился к прыжку.

— Прошу прощения,— сказал он.— Вы, кажется, что-то уронили?

Уловка, конечно, старая, однако она сработала, потому что Джайлс и в самом деле кое-что уронил. Падая, он выронил Квадимордакс (а по-простому, Хвосторуб), который лежал теперь на обочине. Он наклонился, чтобы поднять меч, и дракон прыгнул. Но не так быстро, как Хвосторуб. Оказавшись в руке фермера, меч рванулся вперёд, блеснув дракону прямо в глаза.

— Эй! — сказал дракон, отпрянув.— Что это там у вас?

— Всего лишь Хвосторуб, пожалованный мне королём,— ответил Джайлс.

— Я ошибся,— сказал дракон.— Умоляю простить меня.

И он простёлся перед фермером Джайлсом, который начал чувствовать себя поувереннее.

— Впрочем, я и не думал, что вы обойдётесь со мной по-благородному.

— Это почему? — спросил Джайлс.— И с какой стати я должен обходиться по-благородному?

— Вы не пожелали открыть ваше славное имя и притворились, что наша встреча случайна. А вы ведь явно высокородный рыцарь. И в прежние времена, сир, среди рыцарей в подобных случаях было принято бросать вызов на поединок, разумеется, после должного обмена титулами и верительными грамотами²⁵.

— Может, и было принято, а может, оно и сейчас так,— отвечал Джайлс, которого начало переполнять чувство самодовольства, что вполне извинительно для человека, перед которым пресмыкается огромный величественный дракон.

— И ты ошибся не один раз, старый ящер,— гордо продолжил он. Я не рыцарь. Я фермер Эгидиус из Хэма. Ясно? И я не терплю бродяг. Мне уже приходилось стрелять из своего мушкетона в великана, хотя он наделал меньше вреда, чем ты. Тогда, кстати, я тоже не бросал никакого вызова.

Дракон смешался.

«Наврал, проклятый великан! — подумал он.— Меня ввели в печальное заблуждение. А теперь, что, спрашивается, делать и как быть с этим храбрым фермером и столь ярким и агрессивным мечом?»

Он не смог припомнить ничего похожего на подобную ситуацию.

— Меня зовут Хризофилакс. Хризофилакс Богатый. Чем я могу услужить вашей чести? — добавил дракон, явно стараясь подлизаться.

При этом он всё косился на меч, мечтая избежать битвы.

— Ты можешь навсегда убраться отсюда, старый лис в чешуе,— сказал фермер, тоже мечтая избежать битвы.— Это единственное, что мне от тебя нужно. Проваливай-ка по-хорошему в своё грязное логово!

Тут фермер шагнул к Хризофилаксу, взмахнув руками, словно ворон пугал.

Хвосторубу этого было достаточно. Сверкнув, он описал в воздухе дугу и опустился, звучно рубанув дракона в основание правого крыла. Дракон был потрясён. Джайлс, конечно, и понятия не имел о подходящих приёмах убивания драконов, иначе меч опустился бы на более уязвимое место. Однако Хвосторуб сделал всё, на что был способен в неумелых руках. С Хризофилакса этого было больше, чем достаточно: крыло вышло из строя на много дней. Дракон вскочил, попытался взлететь, но не тут-то было. Фермер одним прыжком оказался на кобыле. Дракон бросился бежать. Кобыла тоже. Пыхтя и отдуваясь, дракон скакал галопом по полю. Кобыла тоже. Фермер орал во всё горло, словно подгоняя лошадь, и размахивая Хвосторубом. Чем быстрее мчался дра-

---

²⁵ Если обмен титулами при вызове на поединок иногда и практиковался, то уж ни о каких верительных грамотах, разумеется, не было и речи.

кон, тем больше он терял голову, а серая кобыла старалась изо всех сил и ни на шаг от него не отставала.

Они с топотом мчались по дорожкам, сквозь проломы в изгородях, по полям и по мосткам. Дракон извергал дым, ревел и полностью потерял представление о всяком направлении. Наконец они выскочили на мост к Хэму, прогромыхали по нему и с рёвом и ором понеслись по деревянной улице. Гарм имел наглость выскользнуть из проулка и присоединиться к погоне.

Все люди Хэма торчали в окнах или на крышах. Кто хохотал, кто радостно вопил, кто бил в жестянки, сковородки и котелки, а кто дул в рога, дудки и свистки. Пастор же трезвонил в церковные колокола. О такой суматохе и таких гонках в Хэме не слыхивали добрые сотни лет.

Прямо перед церковью дракон сдался. Задыхаясь, он улёгся посреди дороги. Гарм принялся обнюхивать его хвост, но Хризифилаксу уже и стыдно не было.

— Добрые люди и любезный воитель,— выдохнул он, когда Джайлс спешил, а селяне столпились вокруг (на разумной дистанции) с вилами, дубинками и кочергами в руках.— Добрые люди, не убивайте меня! Я очень богат. Я оплачу все причинённые мной убытки. Я оплачу похороны всех убитых мною людей, особенно пастора из Дубков: у него будет поистине величественное надгробье, хоть покойник и был худоват. Я сделаю каждому из вас весьма ценный подарок, если только вы отпустите меня за всем этим домой.

— Сколько? — спросил фермер.

— Ну,— сказал дракон, быстренько прикинув в уме (он заметил, что толпа великовата),— по 13 шиллингов 8 пенсов каждому?

— Чепуха! — сказал Джайлс.

— Ерунда! — закричали люди.

— Вздор! — рыкнул Гарм.

— Две золотых гинеи каждому, а детям половину? — продолжил дракон.

— А собакам? — спросил Гарм.

— Дальше,— посоветовал фермер.— Мы слушаем.

— Десять фунтов и кошель серебра на душу и золотые ошейники собакам? — озабоченно предложил Хризифилакс.

— Убить его! — закричали люди, начав терять терпение.

— По мешку с золотом всем присутствующим и бриллианты дамам? — поспешно сказал Хризифилакс.

— Это уже кое-что, но маловато,— заметил фермер Джайлс.

— Опять собак забыл,— вставил Гарм.

— Какого размера мешок? — спросили мужчины.

— Бриллиантов сколько? — спросили их жёны.

— Боже мой! Боже мой! — застонал дракон.— Я же разорюсь!

— Так тебе и надо! — сказал Джайлс.— Выбирай: или разоришься, или будешь убит на месте.

Он угрожающе взмахнул Хвосторубом. Дракон сжался.

— Давай решай! — закричали люди, набираясь храбрости и подступая ближе.

Хризифилакс заморгал. Однако в глубине души он рассмеялся. Выразилось это в мелком подрагивании, чего никто не заметил. Торг начал забавлять его. Эти олухи явно надеялись что-то выиграть. Они очень мало знали об обычаях большого испорченного мира. Ведь к этому времени, и правда, не осталось никого, кто на собственной шкуре испытал бы, каково общаться с драконами, и знал бы об их хитростях. Хризифилакс отдышался и пришёл в себя. Он облизнулся:

— Назовите вашу цену.

Люди наперебой загалдели. Хризифилакс с интересом слушал. Только один голос встревожил его: голос кузнеца.

— Ничего хорошего из этого не выйдет, помяните мои слова,— сказал он.— Говорите, что вам вздумается, только змей не воротится. Да и в этом случае добра не жди.

— Не нравится, так можешь выйти из игры,— сказали ему и продолжили спорить, почти больше не обращая внимания на дракона.

Хризифилакс поднял голову. Но, если он и замыслил прыгнуть на них или улизнуть под шумок, то испытал разочарование. Фермер Джайлс стоял рядом, задумчиво пожёвывая соломинку, однако не выпуская из рук Хвосторуба и не сводя глаз с дракона.

— Лежи, где лежишь, — посоветовал он. — Или получишь по заслугам, несмотря на своё золото. Дракон распластался по земле. Наконец, пастора выбрали говорить от имени всех. Он вышел вперёд и остановился рядом с Джайлсом.

— Гнусный червь! Ты должен принести на это место всё своё несправедливо нажитое богатство, и после выплаты компенсаций тем, кого ты искалечил, мы честно разделим его между собой. Затем, если ты торжественно поклянёшься никогда больше не тревожить наши земли и не насыпать на нас никаких других чудовищ, мы позволим тебе удалиться домой, унеся и голову, и хвост. А теперь ты должен принести такую крепкую клятву, что вернёшься с выкупом, которую даже змеиная совесть должна будет сдерживать.

Дракон, правдоподобно изобразив колебание, согласился. Он даже лил горючие слёзы, оплакивая своё разорение, пока на дороге не задымились лужицы, но никого это не тронуло. Он произнёс много клятв, изумительных и торжественных, что вернётся со всем своим богатством к празднику св. Хилариуса и св. Феликса²⁶. Это давало ему восемь дней срока, — слишком мало для такого путешествия, что мог бы понять даже полный невежда в географии. Тем не менее, его отпустили, проводив до самого моста.

— До встречи! — сказал он, переходя через реку. — Я уверен, что все мы будем ждать её с нетерпением.

— Мы-то уж будем! — заверили его.

Люди, конечно, были очень наивны. Потому что, хотя клятвы, принесённые драконом, должны были испепелить его совесть горем и ужасом перед бедствиями, — увы! — совести у него не было вовсе. И пусть простачи не могли бы даже предположить столь прискорбного недостатка у высокородной особы, но уж хотя бы пастору с его книжной учёностью следовало бы подумать об этом. Может, он так и сделал. Он ведь был грамматиком и, без сомнения, яснее прозревал будущее, чем прочие.

Кузнец, возвращаясь в свою кузницу, мрачно качал головой:

— Хилариус и Феликс! Зловещие имена²⁷. Не нравится мне что-то, как они звучат.

Король, конечно, быстро прослышал о новостях. Молва, как пожар, неслась по Королевству. И события, естественно, ничего не утратили от пересказа. Король был глубоко задет по многим причинам, не последняя из которых была финансовая. Он тут же решил лично отправиться в Хэм, где, похоже, постоянно происходят подобные странности.

В Хэме он появился спустя четыре дня после отбытия дракона, проехав по мосту под звуки труб на белом коне в сопровождении многих рыцарей и длинного обоза. Все люди принарядились как можно лучше и выстроились вдоль улицы, чтобы приветствовать короля. Кавалькада остановилась на площади перед церковными воротами. Фермер Джайлс (когда его представили) встал перед королём на колени, но тот велел ему подняться и потрепал по спине. Рыцари сделали вид, что не заметили подобной фамильярности.

Затем король приказал всем собраться у реки на большом выгоне, который принадлежал фермеру. Когда все собрались (включая Гарма, считавшего, что приказ и его касается), Августус Бонифациус, король и басилевс, изволил милостиво обратиться к ним.

Он подробно объяснил, что все богатства негодяя Хризофилакса принадлежат ему, как господину страны, отнюдь не упирая при этом на свои весьма сомнительные притязания считаться также сюзереном Горного края.

— И мы, — продолжил он, — нисколько не сомневаемся, что сокровища этого змея были украдены у наших предков. Но мы, как общеизвестно, справедливы и щедры, так что наш добрый вассал Эгидиус будет должным образом вознаграждён и ни один из наших подданных не уйдёт без нашего благорасположения, начиная от пастора и кончая самым малым ребёнком. Ибо мы очень довольны Хэмом. По крайней мере, здесь ещё сохранилась в стойком и неиспорченном народе древняя отвага нашей расы.

Тем временем рыцари обсуждали между собой новые фасоны шляп.

---

²⁶ День св. Хилариуса приходится на 14 января, а святого Феликса — на 25 февраля.

²⁷ Хилариус значит «весёлый, радостный», Феликс — «счастливый».

Люди кланялись и благодарили, благодарили и кланялись. Но в душе раскаивались, что не согласились на предложение дракона дать каждому по десять фунтов и не сохранили сделку в тайне. Ясно было, что благорасположение короля не дойдёт до этой суммы. Гарм отметил, что ничего не было упомянуто о собаках. И лишь фермер Джайлс был действительно доволен. Он не сомневался, что получит награду, и был донельзя рад благополучно выбраться из мерзкого дела с ещё более прочной местной репутацией, чем прежде.

Король не уехал. Он разбил свои шатры на поле фермера Джайлса и стал ждать четырнадцатого января, развлекаясь настолько, насколько это удавалось в убогой, далёкой от столицы деревеньке. За следующие три дня королевская свита слопала почти все запасы хлеба, масла, яиц, цыплят, копчёной свинины и баранины и выпила до последней капли весь старый эль, какой только нашёлся. Затем рыцари начали роптать, что их держат впроголодь. Однако король щедро расплатился за всё казначейскими билетами²⁸ (надеясь на скорое пополнение пустой казны), так что люди в Хэме, не зная истинного положения дел, остались довольны.

Наступило четырнадцатое января, день св. Хилариуса и Феликса. Все поднялись на ноги ещё до рассвета. Рыцари облачились в доспехи. Фермер натянул свою кольчужную куртку домашнего изготовления. Рыцари открыто смеялись над ним, пока король не сдвинул брови. Фермер опоясался Хвосторубом. Тот вошёл в ножны легко, как в масло, и остался в них. Пастор пристально посмотрел на меч и кивнул каким-то своим мыслям. Кузнец улыбнулся.

Настал полдень. От волнения люди даже есть не могли. День медленно клонился к вечеру. Однако Хвосторуб и не собирался выскакивать из ножен. Ни часовые на пригорке, ни мальчишки, вскарабкавшиеся на высокие деревья, ни на земле, ни в воздухе не видели никаких признаков возвращения дракона.

Кузнец, насвистывая, прохаживался там и сям, но лишь поздним вечером, когда появились звёзды, остальные жители деревни стали подозревать, что дракон вовсе и не собирается возвращаться. Однако, припоминая его удивительные и торжественные клятвы, они продолжали надеяться. Когда же минула полночь и назначенный день кончился, разочарованию их не было предела. Кузнец сиял.

— Я же вам говорил, — непрестанно повторял он.

Но люди ещё не окончательно разуверились.

— Он всё-таки тяжело ранен, — говорили они.

— Маловато времени мы ему дали, — вторили другие. — Путь в Горы труден и долог, а груз у него изрядный. Может, помочь ему надо было.

Но прошёл следующий день, за ним ещё один. Тут уж все потеряли надежду. Король разъярился. Провизия и выпивка кончились, и рыцари громко возроптали. Им хотелось как можно скорее вернуться к развлечениям двора. Королю же хотелось денег.

Он распрощался со своими верноподданными, но коротко и сухо, аннулировав при этом половину казначейских билетов. С фермером Джайлсом король обошёлся чрезвычайно холодно, отпустив его кивком головы.

— Позже мы дадим вам знать, — сказал он и ускакал со своими рыцарями и трубачами.

Наиболее оптимистически настроенные и доверчивые люди считали, что из дворца скоро придёт послание, призывающее мастера Джайлса к королю, чтобы по меньшей мере произвести его в рыцари. И послание действительно пришло на той же неделе, но несколько иного сорта. Оно было в трёх экземплярах: один для Джайлса, один для пастора, а третий следовало прикрепить на церковных дверях. Только письмо, адресованное пастору, на что-то сгодилось, потому что принятая при дворе манера выражаться была весьма необычайна и столь же темна для жителей Хэма, как книжная латынь. Однако пастор переложил послание на простой язык и прочёл с церковной кафедры. Письмо было коротким и (для королевской записки) деловым. Король явно спешил.

Мы, Августус Б. А. А. Б. и В., король и так далее, доводим до сведения, что Мы ради безопасности Нашего королевства и поддержания Нашей славы повелеваем, чтобы змей, или дракон, присвоивший себе имя Хризофилакс Богатый, был отыскан и должным образом покаран за свои провинности,

---

²⁸ Также умышленный анахронизм наряду со многими прочими.

хитрости, преступления и гнусное вероломство. Всем рыцарям Нашего королевского дома вследствие этого приказываем вооружиться и подготовиться к походу во имя этого подвига сразу, как только мастер Эгидиус А. Ю. Агрикола прибудет к Нашему двору. Поскольку вышеупомянутый Эгидиус проявил себя верным человеком, прекрасно способным справляться с великанами, драконами и прочими возмутителями покоя королевства, ныне мы велим ему немедленно выезжать и как можно скорее присоединиться к отряду Наших рыцарей.

Люди сказали, что это высокая честь и ближайший путь, чтобы получить посвящение. Мельник завидовал.

— Друг Эгидиус выходит в большие люди, — сказал он. — Надеюсь, что он всё-таки будет узнавать нас, когда вернётся.

— А может, он и не вернётся, — вставил кузнец.

— Чего ещё от тебя и ждать, морда лошадиная! — раздражённо отозвался фермер. — Провались эта честь! Если вернусь, то меня устроит даже общество мельника. Одно утешение: хоть на время я избавлюсь от лицезрения вас обоих.

С этими словами фермер ушёл.

Король — не соседи, отговорки тут не помогут. Так что ягнятся там овцы или нет, надо пахать или не надо, молоко там или вода, но пришлось ему сесть на свою серую кобылу и поехать. Пастор проводил его.

— Надеюсь, ты не забыл прихватить с собой длинную верёвку? — спросил он.

— Зачем? — спросил Джайлс. — Повеситься?

— Нет! Не падай духом, мастер Эгидиус! Сдаётся мне, что ты вполне можешь положиться на свою удачливость. Да возьми с собой верёвку подлиннее. Если предчувствие меня не обманывает, она тебе может понадобиться. А теперь до свидания и возвращайся целым и невредимым!

— Увы! Вернуться и увидеть, что всё у тебя в доме и на земле пошло вкривь и вкось! Чтоб им лопнуть, этим драконам! — проворчал Джайлс.

Затем, сунув в седельную сумку большой моток верёвки, он сел верхом и ускакал.

Пса, который всё утро старался не попадаться на глаза, фермер не взял. Зато, когда Джайлс скрылся из виду, Гарм пробрался в дом, остался там и выл целую ночь напролёт, был бит за это, но продолжал выть.

— Караул, Карау-у-ул! — рыдал он. — Никогда больше не увидеть мне дорогого хозяина, а он был так грозен и так великолепен! Лучше бы я пошёл вместе с ним!

— Заткнись! — сказала жена фермера. — А то не доживёшь до того, чтобы увидеть, вернётся он или нет.

Вой услышал кузнец.

— Дурной знак! — весело заметил он.

Минуло много дней, а вестей всё не было.

— Отсутствие вестей — дурные вести²⁹, — заявил кузнец и запел.

Фермер Джайлс добрался до двора усталый и весь в пыли. Но рыцари в начищенных доспехах и сияющих шлемах уже стояли рядом с лошадьми. Королевское повеление включить в свой отряд фермера весьма их раздосадовало, поэтому они настояли на буквальном выполнении приказа и выступили сразу, как только Джайлс прибыл. Бедняга фермер едва успел проглотить кусок хлеба с глотком вина, как снова оказался в пути. Кобыла была оскорблена. По счастью, её мысли о короле, бывшие крайне нелояльными, остались невысказанными.

День уже давно перевалил за половину. «Поздновато выезжать на охоту за драконом», — думалось Джайлсу. Но далеко они и не уехали. Поторопившись начать поход, рыцари больше не спешили. Они ехали себе и ехали в своё удовольствие растянутой вереницей: впереди рыцари, оруженосцы, затем слуги, пони, трусившие с кладью, а позади всех фермер Джайлс на усталой кобыле.

---

²⁹ Перефразировка известной английской поговорки «отсутствие вестей — добрые вести».

Ранним вечером они остановились и раскинули свои шатры. Никакой провизии для фермера Джайлса, естественно, не взяли, и ему пришлось просить взаймы. Кобыла негодовала и отреклась от верности дому Августуса Бонифациуса.

Они ехали весь следующий день и ещё один. На третий день проступили очертания негостеприимных Гор. Очень скоро пошли земли, в которых господство Августуса Бонифациуса признавалось далеко не повсеместно. Теперь рыцари ехали осторожнее и держались ближе друг к другу.

На четвёртый день они достигли Диких Холмов и рубежей неведомых стран, которые считались обителью легендарных созданий. Внезапно кто-то впереди наехал на подозрительные отпечатки лап в прибрежном песке. Позвали фермера.

— Что это, мастер Эгидиус? — спросили его.

— Следы дракона, — ответил тот.

— Тогда веди! — сказали рыцари.

Так и вышло, что теперь они ехали в западном направлении с фермером Джайлсом во главе. Колечки на его кожаной куртке звенели почём зря. Но это было неважно, потому что рыцари и без того смеялись и болтали вовсю, а ехавший с ними менестрель пел песню. Припев то и дело подхватывали хором, очень громко и звучно. Это здорово подбадривало, потому что песня была хороша: её сложили давным-давно, когда битвы случались чаще турниров. Но всё равно было глупо поднимать такой шум. Теперь об их приближении знали все местные обитатели. Во всех пещерах Запада драконы насторожили уши. Не было ни малейшего шанса застать Хризофилакса врасплох.

По счастью (или благодаря самой серой кобыле), когда они наконец нырнули в сплошную тень Угрюмых Гор, кобыла фермера Джайлса охромела. Теперь кавалькада ехала по крутым каменистым тропам вверх и вверх, с трудом и всё усиливающимся беспокойством. Мало-помалу кобыла начала отставать, спотыкаясь, хромая и с таким покорным и печальным взглядом, что фермер Джайлс в конце концов почувствовал себя обязанным спешиться и идти дальше на своих двоих. Очень скоро он и кобыла оказались в самом конце колонны среди пони с кладью, но никто не обращал на них ровно никакого внимания. Рыцари обсуждали вопросы старшинства и этикета. Это полностью поглотило их внимание, иначе они заметили бы, что драконьи следы стали очень чёткими и многочисленными.

Они ведь заехали именно туда, где часто прогуливался или приземлялся после своих дневных вылетов Хризофилакс. Нижние холмы, а также склоны по бокам тропы были опалены и вытоптаны. Травы почти не осталось, лишь искорёженные, изломанные кустики вереска и дрока чернели среди широких пятен обожжённой, покрытой пеплом земли. Дракон развлекался на этом месте уже не один год. Перед кавалькадой замаячила тёмная горная стена.

Фермер Джайлс беспокоился о своей кобыле, но был рад поводу не торчать больше впереди. Возглавлять вереницу рыцарей в этом нехорошем и страшноватом месте не доставляло ему ни малейшего удовольствия. Очень скоро он ещё больше обрадовался подобному повороту событий и получил веский повод благодарить свою судьбу (и свою кобылу). Потому что около полудня — а это был праздник Сретенья³⁰ и седьмой день пути — Хвосторуб выскочил из ножен, а дракон — из пещеры.

Без предупреждения и прочих формальностей он кинулся в бой, с рёвом устремившись вниз. Вдали от своего дома змей не блистал чрезмерной храбростью, несмотря на свой древний род. Но сейчас он страшно разъярился, потому что бился у своих ворот и защищал все свои сокровища. Он вывернул из-за плеча горы, шумя, как буря, и весь в красных сполохах, словно тысяча молний.

Споры по поводу старшинства немедленно прекратились. Лошади заматались из стороны в сторону, некоторые рыцари вылетели из седла. Обозные пони и слуги мгновенно развернулись и бежали. У них-то по вопросам старшинства не было ни малейших сомнений.

Внезапно поднялись клубы удушливого дыма, и окружённый ими дракон ударил в голову колонны. Несколько рыцарей погибло на месте, так и не успев должным образом бросить вызов, прочих просто смело вместе с лошадьми. Об оставшихся позаботились их кони, которые повернулись и помчались прочь, унося своих седоков, хотели они того или нет. Впрочем, большинство из них не имели ничего против.

---

³⁰ Сретенье, 2 февраля, было днём сбора податей и выплаты долгов.

Однако серая кобыла не шевельнулась. Может, она боялась поломать себе ноги на отвесной каменистой тропе. Может, слишком устала, чтобы бежать. Она нутром чуяла, что летящий дракон опаснее позади, чем впереди, а чтобы удрать от него, нужно нестись быстрее рысака. Кроме того, она уже встречала Хризофилакса и помнила, как гналась за ним по полям и мосткам у себя дома, пока он покорно не улёгся на деревенской улице. Как бы там ни было, она широко расставила ноги и зафыркала. Фермер Джайлс побледнел настолько, насколько позволяла его физиономия, но остался рядом со своей кобылой, потому что ничего другого ему явно не оставалось.

Так и получилось, что дракон, разметав кавалькаду, очутился лицом к лицу со своим старым врагом, в руке которого был Хвосторуб. Этого уж он никак не ожидал. Он метнулся в сторону, словно большая летучая мышь, и хлопнулся на горный склон рядом с дорогой. Серая кобыла пошла на него, совсем забыв захромать. Весьма прибодрившийся фермер Джайлс поспешно вскарабкался ей на спину.

— Прошу прощения,— сказал он.— Не меня ли вы случайно ищете?

— Да что вы! — ответил Хризофилакс.— Кто бы мог подумать, что вы здесь окажетесь! Я просто вылетел прогуляться.

— Значит, мы встретились благодаря счастливой случайности,— сказал Джайлс.— Я рад. Потому что я-то искал именно тебя. Есть разговор, и даже не один.

Дракон захрапел. Фермер Джайлс вскинул руку, чтобы защититься от огненного дыхания, и Хвосторуб, блеснув, устремился вперёд, оказавшись в опасно близости от драконьего носа.

Змей охнул и перестал храпеть. Он задрожал, попятился, и вся злость и пламя в нём как-то остыли.

— Надеюсь, добрый господин, что вы пришли не за тем, чтобы убить меня? — заскулил он.

— Нет, нет! — заверил его фермер.— Я ничего такого не говорил!

Серая кобыла презрительно фыркнула.

— Тогда осмелюсь спросить, что же вы делаете здесь со всеми этими рыцарями? — сказал Хризофилакс.— Рыцари всегда убивают драконов, если мы не успеем убить их сами.

— Мне до них дела нет. Я не имею к ним никакого отношения,— ответил ему Джайлс.— Да и вообще, в данный момент они уже все убиты или удрали. Лучше припомни-ка, что ты говорил в прошедшее Богоявление.

— А что такое? — встревоженно спросил дракон.

— Месяц уже просрочил, вот что,— сказал Джайлс.— А должок так и остался. Вот за ним я и пришёл. А ну, проси прощения за хлопоты, в которые ты меня впутал!

— Прошу, прошу! — замахал лапами дракон.— Поверьте, я вовсе не хотел заставлять вас брать на себя труд приезжать сюда!

— На сей раз подавай все свои сокровища до последнего, и никаких ярмарочных штучек! — потребовал Джайлс.— Не то считай себя покойником. А твою шкуру я повешу на церковный шпиль, чтоб другим неповадно было.

— Как это жестоко! — сказал дракон.

— Сделка есть сделка! — ответил Джайлс.

— А можно мне оставить себе пару колечек и золотую полушку на случай, если понадобятся наличные? — спросил дракон.

— Ни одной медной пуговицы! — заявил Джайлс.

И они начали торг, яростный и долгий, как на базаре. Однако кончился он так, как и следовало ожидать, потому что, что ни говори, а переспорить фермера Джайлса на ярмарке мало кому удавалось.

Пришлось дракону отправиться к своей пещере, причём всю дорогу пешком, потому что Джайлс с Хвосторубом шёл рядом. Узкая тропа вилась вокруг горы, уходя вверх. На ней едва хватало места для двоих. Кобыла трусила позади с задумчивым видом.

Миль через пять начался крутой подъём. Джайлс пыхтел и сопел, но не спускал глаз со змея. В конце концов в западном склоне горы открылась пещера. Она была большой, чёрной и грозной. В неё вели медные двери, качавшиеся на стальных столбах. Ясно, что в давно забытые дни здесь было чьё-то мощное укрепление. Потому что сами драконы не строят ничего подобного и не роют пещер. Они просто вселяются, если удастся, в гробницы и сокровищницы древних богатырей и великанов. Двери в пещеру были распахнуты. Дракон с Джайлсом остановились в их тени. До сих

пор у Хризофилакса не было шанса удрать, но тут, оказавшись у собственных дверей, он прыгнул вперёд и приготовился нырнуть в них.

Фермер Джайлс плашмя стукнул его мечом.

— Эй! — сказал он. — Прежде, чем войдёшь, послушай кое-что. Если ты быстренько не вернёшься с чем-нибудь таким, что стоило нести, я пойду за тобой и для начала отрублю тебе хвост!

Кобыла презрительно фыркнула. Она не могла представить, чтобы фермер Джайлс один сунулся в драконье логово даже за все деньги на земле. Но Хризофилакс вполне был готов этому поверить, учитывая наличие Хвосторуба: такого яркого, острого и так далее. И может быть, дракон был прав, а кобыла при всей своей мудрости ещё не успела понять, что её хозяин изменился. Фермер Джайлс схватил свою удачу за хвост и после двух встреч вообразил, что никакому дракону перед ним не устоять.

Как бы то ни было, Хризофилакс обернулся на удивление быстро и вышел наружу с 12 фунтами (на вес) золота и серебра и сундучком с кольцами, ожерельями и прочими красивыми безделушками.

— Вот! — сказал он.

— Что? — спросил Джайлс. — Здесь и половины от «Вот!» нет. Здесь нет и половины твоего барахла, чтоб мне пропасть.

— Конечно, нет! — согласился дракон, несколько смущённый открытием, что фермер, кажется, поумнел с того дня в деревне. — Конечно, нет! Но я не могу принести всё за один раз.

— Бьюсь об заклад, что и за два не принесёшь! — сказал Джайлс. — Отправляйся назад и возвращайся вдвое скорее, не то попробуешь Хвосторуба!

— Нет! — вскрикнул дракон, кинулся назад и выскочил вдвое скорее.

— Вот! — сказал он, сваливая огромную ношу золота и две шкатулки с бриллиантами.

— Попробуй ещё разок! — посоветовал фермер. — Да постарайся!

— Это жестоко, очень жестоко, — проговорил дракон, снова отправляясь в пещеру.

Теперь уже серая кобыла начала тревожиться.

«Интересно, кто повезёт всю эту тяжесть домой?» — подумала она и окинула мешки и сундуки таким долгим и печальным взглядом, что фермер её понял.

— Не бойся, девочка! — сказал он. — Мы заставим старого ящера тащить всю эту кладь.

— Господи помилуй! — сказал дракон, подслушавший последние слова, когда выбирался из пещеры в третий раз с самой большой ношей и грудой драгоценных камней, горевших зелёными и красными огнями. — Господи помилуй! Если я потащу всё это, то, того гляди, помру, а ещё один мешок — и мне нипочём не справиться, хоть убивайте!

— Так, значит, ещё кое-что осталось, верно? — спросил фермер.

— Да, — признал дракон. — Достаточно, чтобы сохранить уважение соседей.

На этот раз он, как ни странно, говорил почти правду. И, как выяснилось, это было умно.

— Если вы мне кое-что оставите, — продолжил дракон вкрадчиво, — я стану вашим вечным другом. И отнесу все эти сокровища в ваш славный дом. В ваш, а не королевский. И более того: я помогу вам сохранить их.

Минуту фермер Джайлс серьёзно раздумывал, обкусывая на левой руке ногти. Затем сказал:

— Идёт! — выказав при этом похвальное благоразумие.

Рыцарь настоял бы на всём кладе и получил бы в придачу проклятие, лежащее на сокровищах дракона. И весьма возможно, что доведи Джайлс змея до отчаяния, тот решил бы драться, несмотря на Хвосторуб. А в этом случае, если фермер и остался бы в живых, ему пришлось бы собственноручно уничтожить свою тягловую силу и оставить большую часть отвоёванного сокровища в горах.

На том и порешили. Фермер Джайлс набил карманы драгоценными камнями, — просто на случай, если что пойдёт не так, — и кое-что навьючил на кобылу. Остальные мешки и сундуки он привязал к спине дракона, и тот стал похож на обоз с королевской мебелью. Улететь он не мог: ноша была слишком тяжела, да и крылья Джайлс ему связал.

«Здорово пригодилась верёвка!» — подумал он, с благодарностью вспоминая пастора.

Теперь уже дракон пыхтел и отдувался. За ним шагали кобыла и фермер, держа в руке сверкающий и грозный Хвосторуб. Змей не смел выкидывать никаких трюков.

Несмотря на груз, дракон и кобыла возвращались быстрее, чем ехали вперёд рыцари. Потому что фермер Джайлс спешил, и его немало подгоняло то обстоятельство, что в продовольственных сумках почти не осталось еды. Да и Хризофилаксу, нарушившему столь торжественные и прочные клятвы, он не доверял и размышлял, как бы изловчиться провести ночь, чтобы не умереть или не потерять большую часть сокровищ. Но ещё до наступления ночи фермеру снова улыбнулась удача: он нагнал полдюжины слуг и пони, которые тогда поспешно удрали, а теперь блуждали в Диких Холмах. В страхе и изумлении они кинулись было бежать, но Джайлс их окликнул:

— Эй, парни! Сюда! У меня для вас найдётся работа и хорошее жалование, пока идёт перевозка!

И они поступили к нему на службу, радуясь, что нашли проводника, и надеясь, что теперь их жалование будет выплачиваться более регулярно, чем обычно. Затем семь человек, шесть пони, одна кобыла и дракон отправились дальше. Джайлс начал чувствовать себя господином и выпятил грудь. Останавливались как можно реже. На ночь фермер Джайлс привязывал дракона за лапы к четырём кольям, и его караулило, сменяясь, трое часовых. Однако серая кобыла вполглаза приглядывала, чтобы люди сами не попытались что-нибудь выкинуть.

Спустя три дня они достигли границ своей страны, и их появление вызвало такое удивление и суматоху, каких не бывало меж двух морей. В первой же деревне, где они остановились, чтобы получить еду и питьё, их буквально завалили и тем и другим, причём бесплатно, а половина молодых парней захотела присоединиться к процессии. Джайлс выбрал из них дюжину молодцов. Он пообещал им хорошее жалование и самых лучших лошадей, каких только удастся достать. У фермера начало кое-что складываться в голове.

Отдохнув денёк, он снова отправился в дорогу, сопровождаемый своей новой свитой. Парни охотно горланили в его честь песни, которые фермеру очень нравились. Люди восторженно кричали и смеялись. Зрелище, и правда, было весёлое и удивительное.

Вскоре фермер Джайлс свернул к югу, к собственному дому, и не подумав отправиться ко двору короля или послать туда кого-нибудь. Но вести о возвращении мастера Эгидиуса неслись с запада, как пожар, вызывая изумление и смущение. А всё потому, что фермер Джайлс объявился сразу вслед за королевским приказом, обязывающим все города и деревни одеть траур по поводу гибели храбрых рыцарей в горном ущелье.

Где бы ни появлялся фермер Джайлс, про траур мигом забывали. Начинался колокольный звон, а люди толпились по обочинам, крича и подбрасывая шляпы и шарфы. При этом они настолько задразнили дракона, что бедолага начал горько сожалеть о заключённой сделке. Для потомка древнего императорского рода трудно было придумать что-либо более унижительное. В Хэме его даже все собаки облаяли. Кроме Гарма, чьи глаза, уши и нос не замечали никого, кроме хозяина. Он буквально ходил кувырком по всей улице.

Разумеется, в Хэме фермеру устроили самую изумительную встречу. Но возможно, ничто не доставило ему большего удовольствия, чем вид вытянувшихся физиономий мельника и донельзя смущённого кузнеца.

— Этим дело не кончится, помяните моё слово! — угрюмо буркнул тот, но ничего более злобщего ему на язык не пришло, и кузнец мрачно повесил голову.

Фермер Джайлс, его шестеро слуг, дюжина молодцов, дракон, лошади, пони и пёс поднялись на приговор и там и остались. В дом пригласили лишь пастора.

Новости скоро достигли столицы, и народ, забыв про официальный траур и даже про свои дела, высыпал на улицы. Поднялся крик и гам.

Король сидел в своём дворце, грыз ногти и выдирал бороду. От горя и гнева (а также финансовых затруднений) его настроение было таким мрачным, что никто не осмелился заговорить с ним. Но наконец шум в городе достиг королевских ушей. На траур и плач что-то похоже не было.

— Что там за шум? — спросил король. — Велите народу разойтись по домам и соблюдать траур приличным образом! Галдят, как гуси в стае!

— Но, лорд, дракон вернулся! — ответили ему.

— Что?! Призвать наших рыцарей, или то, что от них осталось!

— В этом нет необходимости, лорд,— услышал он в ответ.— При мастере Эгидиусе, который идёт за ним, дракон совершенно смирный, словно ручной. Во всяком случае, так говорят. Вести только что дошли, и сведения противоречивы.

— Слава Богу! — с великим облегчением произнёс король.— Подумать только: Мы же велели послезавтра отслужить панихиду по этому подданному! Отменить её! А что говорят о сокровищах?

— Говорят, лорд, что их там суцая гора.

— Когда же они будут доставлены? — нетерпеливо спросил король.— Славный человек, этот Эгидиус. Пришлите его к Нам тотчас же, как только он появится.

На этот раз придворные не спешили с ответом. Наконец кто-то из них набрался храбрости и сказал:

— Простите, лорд, но мы слышали, что фермер повернул в сторону собственного дома. Несомненно, он при первой же возможности поспешит сюда в надлежащем одеянии.

— Несомненно,— согласился король.— Хотя к чёрту его одеяние! Как он смел отправиться домой, ничего не сообщив! Мы очень недовольны.

Первая возможность представилась и прошла, за ней и много других. По правде говоря, добрая неделя, а то и больше, миновала с тех пор, как фермер Джайлс вернулся домой. Однако до сих пор при дворе о нём ничего не было слышно, да и сам он вестей не посылал.

На десятый день ярость короля достигла предела, и его терпение лопнуло.

— Послать за деревенщиной!

За деревенщиной послали. Хэм лежал в сутках быстрой езды. Столько же надо было ехать обратно.

— Он не приедет, лорд — сказал трепещущий гонец через два дня.

— Громы и молнии! — воскликнул король.— Прикажете ему явиться в следующий четверг, иначе остаток жизни он проведёт в тюрьме!

— Простите, лорд, но он всё равно не приедет, — сказал совершенно несчастный гонец в четверг, вернувшись один.

— Три тысячи чертей! — возопил король.— Немедленно арестовать дурня! Послать людей! В цепи этого грубияна!

— Сколько же людей послать? — заколебались придворные.— Там же дракон... и Хвосторуб... и...

— И палки от метел, и смычки, и прочий вздор и чепуха! — добавил король.

Затем он приказал привести своего белого коня, призвал рыцарей (точнее, их остатки), отряд солдат и поскакал сам, пылая гневом. Поражённые люди повысыпали из домов на улицы.

Но теперь фермер Джайлс стал не просто Героем Округи, он превратился в Любимца Страны, поэтому народ вовсе не приветствовал криками проходящих мимо рыцарей и солдат, хотя шляпы перед королём по-прежнему снимал. Чем ближе был Хэм, тем угрюмее становились взгляды. В некоторых деревнях люди просто запирали двери и не показывались.

Гнев короля сменился холодной яростью. К реке, за которой лежал Хэм и дом фермера, он прибыл мрачнее тучи. Король решил сжечь проклятую деревню. Но на мосту был фермер Джайлс собственной персоной, сидевший на серой кобыле с Хвосторубом в руке. Больше никого видно не было, кроме Гарма, лежавшего на дороге.

— Доброе утро, лорд! — сказал Джайлс, не дожидаясь, пока к нему обратятся, да так радостно, словно улыбчивое солнышко.

Король смерил его ледяным взглядом.

— Твои манеры в Нашем присутствии неподобающи. Но они не освобождают тебя от обязанности явиться, когда за тобой послано.

— По правде говоря, я и не думал об этом, лорд,— сказал Джайлс.— У меня своих забот хватает, а на ваши поручения я и так потратил достаточно времени.

— Три тысячи чертей! — заорал король, снова загоряясь гневом.— К дьяволу тебя и твою наглость! Не видать тебе теперь награды, как своих ушей, и считай себя счастливым, если тебя не повесят! А тебя точно повесят, если ты немедленно, не сходя с места, не попросишь нашего прощения! И верни Наш меч!

— А? — переспросил Джайлс.— Мне что-то сдаётся, что награду я уже получил. «Нашёл — бери, а взял — береги», как у нас говорят. И по-моему, Хвосторубу лучше в моих руках, чем в ва-

ших. Кстати, что это тут делают рыцари и солдаты? В гости можно было бы явиться и с меньшей свитой, а коли хотите взять меня, так надо бы значительно больше!

Король просто дар речи потерял, а рыцари покраснели и потупили глаза. Некоторые солдаты заухмылялись: король ведь сидел к ним спиной.

— Отдай мой меч! — крикнул король, обретя наконец голос, но забыв назвать себя «Мы».

— Отдай Нам свою корону! — заявил Джайлс.

Такого потрясающего требования в Среднем Королевстве ещё никогда не слыхивали.

— Громы и молнии! Схватить его и связать! — завопил король, который от ярости просто не мог больше сдерживаться. — Что вы там мнётесь! Схватите его или убейте!

Солдаты шагнули вперёд.

— Аврал! Аврал! Аврал! — залаял Гарм.

В тот же миг из-под моста вылез дракон. Он лежал там, укрывшись у дальнего берега в глубинах реки. Теперь же змей выпустил ужасные клубы пара, потому что выпил много галлонов воды. Немедленно опустился плотный туман, в котором сверкали лишь красные глаза дракона.

— Домой, дурни! — проревел он. — Или я разорву вас на кусочки! В горном ущелье уже стынут рыцари, скоро в реке их остудится ещё больше: вся королевская конница и вся королевская рать!³¹

Тут дракон прыгнул вперёд и запустил коготь в бок королевского белого коня. Тот помчался прочь, как три тысячи чертей, столь часто поминаемые королём. Прочие лошади не отставали. Некоторые из них уже встречались с драконом и сохранили об этом пренеприятные воспоминания. Солдаты следовали за ними, как могли, разбегаясь куда угодно, только не в сторону Хэма.

Белый конь был лишь слегка оцарапан, и ему не дали удрать далеко. Король вскоре заставил его вернуться. Он ещё оставался господином, по крайней мере, господином своей лошади, и никто не мог бы сказать, что его пугает встреча с каким-либо человеком или драконом. Когда король вернулся, туман рассеялся, но рыцари и солдаты рассеялись тоже. Теперь положение совершенно изменилось: королю в одиночку пришлось говорить с крепким фермером, у которого к тому же был Хвосторуб и дракон.

Но разговор не получился. Фермер упёрся: он не шёл ни на какие уступки и не желал драться, хотя король то и дело вызывал его на единоборство.

— Нет, лорд! — посмеивался он. — Вернитесь-ка домой и остыньте хорошенько! Не хотел бы вам повредить. Но лучше уезжайте, а то за змея я не ручаюсь. Всего хорошего!

Тем и кончилась битва на Мосту Хэма. Король не получил ни пенса из всего сокровища и ни слова извинения от фермера Джайлса, который весьма вырос в собственных глазах. И более того: с этого дня Среднее Королевство потеряло своё влияние на округу, потому что на много миль в окрестности люди признали своим лордом Джайлса. Король так и не смог, несмотря на все свои титулы, собрать людей для похода против мятежника Эгидиуса. Ведь тот стал Любимцем Страны, и о нём слагали песни. Запретить все баллады, воспевающие его деяния, было просто невозможно. Самой популярной была та, где в сотне комическо-героических куплетов описывалась встреча на Мосту.

Хризофилак долго ещё оставался в Хэме, к большой выгоде Джайлса. Ведь естественно, что человека, у которого есть ручной дракон, весьма уважают. С разрешения пастора ящера поселили в амбаре для церковной десятины, охраняли его те самые молодцы. Так возник первый титул Джайлса: «Domini de Domito», а по простому, Господин Ручного Ящера или, короче, Господин Тэ-ма («ручного»). Под этим титулом он широко прославился, однако всё ещё продолжал платить номинальную дань королю: шесть бычьих хвостов и пинту горького в день св. Матфея³², — это была дата встречи на мосту. Тем не менее, вскоре он сменил «господина» на «эрла», то есть графа. И земли графства стали поистине обширны.

Через несколько лет он стал принцем Юлиусом Эгидиусом, и выплата дани прекратилась. Ибо Джайлс, будучи сказочно богат, выстроил себе величественнейший дворец и собрал могучую армию. Доспехи их сияли и переливались всеми цветами радуги, потому что денег на это Джайлс

³¹ Фраза из знаменитого «Шалтай-Болтай сидел на стене».

³² До обращения св. Матфей был мытарем, т.е. сборщиком налогов, но праздник приходится 21 сентября, так что встреча на мосту произошла гораздо раньше. Возможно, это намеренный анахронизм автора.

не пожалел. Все двенадцать молодцов стали капитанами. Гарм получил золотой ошейник и до конца жизни бродил, когда и где ему вздумается. Он стал гордым и счастливым псом, которого другие собаки просто терпеть не могли, поскольку он требовал от них уважения во имя великопья его хозяина и наводимого им трепета. Серая кобыла мирно окончила свои дни, так и не поделившись ни с кем своими размышлениями.

В конце концов Джайлс стал королём. Конечно, королём Малого Королевства. Он был коронован в Хэме под именем Эгидиуса Дракониуса, но чаще его называли Старым Змеиным³³ Джайлсом, потому что при его дворе вошёл в моду народный говор и ни одной своей речи король не произнёс на книжной латыни. Жена его стала крупной и величественной королевой, которая уверенно вела счёт королевскому добру. Обойти королеву Агату было невозможно, по крайней мере, путь был неблизким.

С течением времени Джайлс превратился в почётного старика и обзавёлся седой бородой, свисавшей до колен, и очень респектабельным двором (при котором часто воздавали по заслугам), а также совершенно новым рыцарским орденом — Стражами Дракона, эмблемой которого, разумеется, был дракон. Основателями ордена стали двенадцать дюжих молодцов.

Следует согласиться, что своим взлётом Джайлс в основном был обязан удаче, хотя он и выказал незаурядную смекалку в умении пользоваться счастливыми случайностями. Счастье и смекалка остались с ним до конца дней к великой пользе для его друзей и соседей. Он щедро награждал пастора, и даже кузнец с мельником кое-что получили. Джайлс ведь мог позволить себе быть великодушным. Но, став королём, он издал строгий указ против дурных предсказаний и сделал помол королевской монополией. Кузнец сменил призвание и стал гробовщиком, а мельник — подобострастным слугой короны.³⁴ Пастор получил епископство и утвердил свою кафедру в церкви Хэма, которую должным образом перестроили и увеличили.

Живущие ныне на земле Малого Королевства могут в этом предании найти достоверное объяснение названий некоторых городов и деревень, которые сохранились до сих пор. Ибо люди, искושённые в данной области, сообщают нам, что Хэм, превратившись в столицу нового королевства, благодаря естественному смешению титулов Лорд Тэма и Лорд Хэма стал широко известен именно как Тэм, отзвук чего сохранился поныне в названии Темза, где «э» сменилось на «е». Всякое иное объяснение — несусветная глупость. В память о драконе, на котором была основана их слава и известность, Драконарии (Стражи Дракона) выстроили замок в четырёх милях к северо-западу от Тэма, на том самом месте, где Джайлс впервые встретился с Хризофилаксом. Замок этот, благодаря королю и его стягу, прославился по всему королевству под именем *Awla Draconaria*, или в просторечии Вормингхолл (Чертог Ящера).

С тех пор лик страны изменился: королевства возникали и исчезали, леса были срублены, реки стали судоходными, лишь горы остались, да и те постарели под дождём и ветром. А имя сохранилось; правда (как я слышал) люди теперь зовут это местечко Ваннли, ибо ныне деревни утратили былую гордость. Но в дни, о которых шла речь, это был Вормингхолл, Тронный Замок, а над деревьями реял королевский стяг с драконом, и дела там шли весело и ладно, пока Хвосторуб стоял на страже.

Заключение

Хризофилакс часто просил отпустить его. Кормить дракона оказалось дороговато, потому что он продолжал расти, подобно дереву, как и все драконы, пока живы. Так и вышло, что, спустя несколько лет, когда положение Джайлса упрочилось, он отпустил бедного змея домой. Они расстались, заверяя друг друга в обоюдном уважении и заключив пакт о взаимном ненападении. В глубине своего злобного сердца дракон чувствовал такую признательность к Джайлсу, какую только способен почувствовать дракон к кому бы то ни было. Помимо всего прочего не стоило забывать о

---

³³ Old Giles Worming. Непереводимая игра слов, поскольку worming помимо прочего имеет значение проползать, продираться.

³⁴ Непереводимая игра слов. Слово «подобострастный» созвучно со словом «похороны».

Хвосторубе: он мог лишиться и жизни, и клада тоже. А так, дома в пещере у дракона оставалась пропасть сокровищ (как и предполагал Джайлс).

Медленно и с трудом змей полетел в горы, потому что крылья его ослабели от долгого бездействия, а размеры и броня здорово увеличились. Попав домой, он немедленно раздраконил молодого ящера, который опрометчиво поселился в отсутствие Хризофилакса в его пещере. Говорят, что шум битвы разнёсся по всей Венедотии. Сожрав с превеликим удовольствием поверженного врага, он почувствовал себя лучше. Шрамы бывшего унижения затянулись, и дракон надолго заснул. Затем, внезапно пробудившись, он отправился на поиск того самого болтливейшего и глупейшего великана, по милости которого и начались давней-предавней летней ночью все неприятности. Хризофилакс высказал ему всё, что о нём думает, и бедолага был совершенно уничтожен.

— Так это был мушкетон? — только и переспросил он, почёсывая затылок. — А я думал — слепни!

FINIS

Или, на просторечии,

КОНЕЦ

Перевод И.А. Забелиной, 1987.